

В слове «отгул» Натке отчетливо слышался гулкий лязг тронувшегося поезда. Локомотив поехал, вагоны стукнулись один о другой, покатались, набирая ход — ту-ту, всем пока, мы отправляемся в путь!

Было бы неплохо сесть в поезд, например, Москва — Владивосток и, помахав ручкой никогда не спящей столице, отправиться в незнакомые края.

Пить чай из стеклянных стаканов, тоненько дребезжащих в кружевных металлических подстаканниках, смотреть в окошко на пролетающие мимо столбы, дома, леса и поля, болтать ни о чем со случайными попутчиками и сладко спать под размеренный перестук колес...

Но за один-единственный день отгула не доехать ни до Владивостока, ни даже до Энгельса, который не идейный товарищ Маркса,

а город под Саратовом. Второй по численности населения в области, как выяснила Натка из Интернета: по данным последней переписи, там проживают 227 049 человек.

И, как будто этого мало, неумолимое полицейское начальство отправило в Энгельс еще и безропотного Таганцева. Для более круглого счета, наверное — чтобы там было 227 050 человек. Ну, и чтобы в этой народной массе отыскать маньяка, который в прошлом году успел натворить дел в Белокаменной, а теперь всплыл в Заволжье.

Как будто без помощи московского опера местные сыщики столичного маньяка поймать не смогут! Таганцев уехал только позавчера, но обещающее стать затяжным отсутствие любимого мужчины уже неважно сказалось на Натке.

Мигом испортилось настроение — и это полбеды, гораздо хуже, что заметно пострадала внешность! Облупился лак на мизинце левой руки — это раз, кончики волос посеклись — два, брови вознамерились выйти из отведенных им пределов, и, кажется, углубилась единственная пока, а потому привлекающая максимум Наткиного внимания морщинка на переносице.

Ко всему этому она еще и потолстела! На 1425 граммов, если верить чувствительным, как тургеневская барышня, весам, но, продолжая округлять — на целых полтора кило!

Вряд ли такая катастрофическая убыль красоты случилась всего за пару дней, но обнаружена она была именно сейчас. Наверное, потому, что в присутствии влюбленного Таганцева Натка в своей привлекательности ничуть не сомневалась.

Теперь же со всеми этими неприятными открытиями следовало что-то делать, поэтому на отгул у Натки имелись большие планы. Она собиралась закатиться в салон красоты и побыть там, если понадобится, хоть до самого вечера. Сеньку из школы надо забрать в пять часов — времени на восстановление порушенной красоты должно было хватить.

У Натки даже имелись деньги на эти реставрационно-восстановительные работы, потому что вдобавок к отгулу за архиважную сверхурочную работу по верстке иллюстрированных мемуаров одной малолетней интернет-звезды ей дали премию. Небольшую, но на один день в салоне должно было хватить.

Увы, стройный план полетел под откос, как подорванный врагами бронепоезд. Легкую

дурноту Натка ощутила еще дома, но списала ее на понятное волнение перед посещением салона красоты.

Однако уже на улице у нее заболел живот, да так сильно, что на школьный двор через открытую калитку она запустила Сеньку с приличного расстояния, точно шар в боулинге, даже не одарив любимого сына, как обычно, материнским поцелуем и парой напутствий, впрочем, неизменно бесполезных. И едва разогнавшийся Сенька эффектно врезался в разноцветные кегли, пардон, в одноклассников, она развернулась и заспешила домой.

По улице Натка семенила, сгибаясь пополам, хватаясь за живот и постанывая, и с нарастающим ужасом думала: неужели ОНО? Вернее, он — ужасный модный вирус? Помнится, пугающая «корона» числила среди своих симптомов и тошноту, и расстройство желудка.

Ввалившись в квартиру, Натка рванула прямиком в санузел и провела там немало времени — без всякой приятности, не то что в салоне красоты, но тоже очень волнительно.

Потом, терзаемая болью и подозрениями, она прошла в кухню и поочередно вдумчиво понюхала лимон, кофе в банке и нашатырь

в пузырьке. Всем известно, что при коронавирусе пропадает обоняние, это самый верный симптом.

Запахи не исчезли и не изменились, что обнадеживало. Тем не менее лучше Натке не становилось, и, помаявшись животом и сомнениями, она все-таки вызвала «Скорую».

В разговоре с телефонным оператором она усиленно напирала на то, что у нее сильно болит живот, есть тошнота и диарея, но и только! Ни кашля, ни насморка, ни боли в горле — никаких проявлений респираторного заболевания! Возможно, обыкновенный аппендицит.

Кого хотела убедить — непонятно. Себя, наверное, в первую очередь.

Так или иначе, «Скорую» ей прислали нормальную. Не такую, из которой, как из прилунившейся ракеты, неуклюже вываливаются громоздкие фигуры в скафандрах, повергая в шок и ужас всех жильцов многоквартирного дома.

К Натке явились обычные медики, даже не в белых халатах, а в красно-синих демисезонных костюмах, похожих на лыжные. Из жестких воротников трогательно торчали тонкие девичьи шейки.

— Какие вы молоденькие, — пробормотала больная, не сумев скрыть вызванного данным обстоятельством сожаления.

Понятно, что в связи со всеобщей мобилизацией врачей на борьбу с коронавирусом в «Скорой помощи» теперь работают и студенты, но можно ли им доверять? Натка предпочла бы иметь дело с опытным доктором.

Девчонки, впрочем, держались уверенно. Больную опросили, осмотрели, ощупали. Сочувственно покивали, пока она рассказывала о своих страданиях. Многозначительно переглянулись, когда Натка призналась, что ночью, не в силах уснуть в одинокой постели, доела позавчерашние суши, запив их холодным йогуртом с пирожным.

— Эклер из соседней кондитерской, — зачем-то пояснила она. — А суши из модного азиатского ресторана, мы были там с моим женихом перед самым его отъездом в бессрочную командировку. — Тут Натка в очередной раз тяжело вздохнула, мучимая не только болями в животе, но и сожалением по поводу ужасно несвоевременного отсутствия Таганцева.

Кто ей будет носить в больницу домашний куриный бульончик и свежий кефирчик?

Сестра? Той по горло хватит забот с неукротимым Сенькой, которого на время маменькиного нездоровья придется определить к тетушке...

Натка переключилась на то, как все это лучше устроить, и предложение девочек-медичек прокатиться на «Скорой» к хирургу, чтобы тот посмотрел ее «острый живот», приняла без раздумий.

Воображаемый хирург виделся ей могучим дядькой с волосатыми руками и привычкой командовать окружающими в бестрепетном армейском стиле.

Таковыми типами Натка управляла с легкостью, мигом обводя их вокруг пальчика — блин, с облупившимся маникюром, — но ладно, на сурового хирурга ее красоты еще должно хватить.

С этой мыслью она живо собралась и отправилась на «Скорой» в больницу, чтобы быстро выяснить причину своего нездоровья, экстренно принять необходимые меры к восстановлению нормального самочувствия и как можно скорее вернуться домой. Оставшись в памяти сурового хирурга как мимолетное виденье и гений чистой красоты...

И снова бронепоезд стройных планов загремел под откос! Во-первых, хирург оказался женщиной. Притом того типа, который с прелестной Наткой диссонировал до рези в глазах и скрипа зубов.

Суровая (тут воображение не ошиблось) тетка неопределенного возраста 40+ поразительно напоминала математичку, которая тиранила Наташеньку Кузнецову в школьные годы чудесные: такая же прямая, костлявая, с глазами-буравчиками и куцым хвостиком пегих волос на затылке. Выше голову прикрывала розовая шапочка, лицо от носа до подбородка прятала голубая маска.

Эти аксессуары даму-хирурга не красили: явно не ее цвета. Ей бы в блестящий серый металл одеться: стальной шлем с забралом идеально подошел бы к холодным глазам и резкому бряцающему голосу...

Пока Натка, кривясь от боли и недовольствия, подбирала модный лук неприветливой докторице, та ее осмотрела, ощупала и, что-то буркнув медсестре, резким жестом повелела больной удалиться из кабинета.

— Так что со мной? — Натка спохватилась, что за своими мыслями и фантазиями все пропустила.

— Подождите в коридоре. — Медсестра помогла ей выдвориться и устроиться на неприятно холодной и жесткой банкетке.

Местечко еще пришлось поискать: в приемном отделении больницы было многолюдно, как на вокзале. Натка с сожалением вспомнила свои утренние фантазии на тему убегающих в чудесные дальние края поездов. Домечталась...

Вот тебе целая толпа нервных граждан с чадами и домочадцами, документами и узелками с пожитками в руках. Кто-то кротко ждет, кто-то мечется в панике, кто-то стонет, кто-то посапывает, но все пребывают в подвешенном состоянии, не зная, что будет дальше...

— Подвинься-ка! — Натку бесцеремонно оттеснила на самый край банкетки объемистая дама.

Пол ее, впрочем, можно было определить только по голосу: дама с головы до ног была упрятана в блестящую упаковку. Прозрачный дождевик поверх шубы, полиэтиленовые бахилы на сапогах, резиновые перчатки на руках, пластиковый колпак для душа поверх вязаной шапки. Все сине-голубое — «тотал блю», модный тренд!

— Маска твоя где? — Дама посмотрела на Натку с подозрением и неприязнью.

— Сняла, — коротко ответила она, не имея сил и желания вдаваться в объяснения. — Меня тошнит.

— Ковидная? — Дама отодвинулась.

— Чего сразу ковидная? — испуганно вскинулась Натка.

— А с чем тут все, ты думаешь? — Дама рукой в перчатке обвела набитый людьми коридор. — Или уже с вирусом, или вот-вот будут, потому как ума не хватает нормально предохраняться. Идешь в больницу — оденься как надо. Вот я — и масочку, и перчаточки...

Дама нудно забубнила, нахваливая свой противовирусный модный лук. Натка, не слушая ее, отвернулась и тоскливо оглядела разношерстную толпу.

Мужчины, женщины, дети, старички и бабушки — неужто и впрямь все «ковидные»?

Эх, сглупила она!

Надо было не ехать в больницу, осталась бы дома — авось оклемалась бы и без хирурга. Марганцовочки попила бы, угольку активированного...

— Кузнецова! — громко и раздраженно позвал женский голос.

Натка встрепенулась, вытянула шею:

— Я! Я Кузнецова.

— Голову запрокиньте. Не дергайтесь.

К ней подошла медсестра, прицелилась, ловко сунула в нос тонкую белую палочку, удовлетворенно хмыкнула и удалилась, ничего не объяснив.

— Это что? — за неимением других собеседников Натка повернулась к упакованной даме.

Та закатила глаза:

— ПЦР-тест, что ж еще! Ну, ничего не знают, как будто в диком лесу живут!

Она снова забубнила про нехватку у граждан ума, масочек и перчаточек.

Натка опять отвернулась. Холодея, она проводила взглядом белую сатиновую спину медсестры и сдвинула руку, которой придерживала больной живот, выше — на сердце.

Боже, боженька, избавь, спаси и помилуй! Только не коронавирус, только бы не коронавирус!

— Что ты смотришь? Снова эту чушь? — Сашка заглянула в кухню, скривилась при виде работающего телевизора, зевнула, помотала головой и ушла в ванную.

— А ты опять без тапок! — ответно уличила я дочь.

Такого рода пикировки как-то незаметно вытеснили у нас привычный обмен приветствиями. Вместо «Доброе утро, мамочка! — Утро доброе, доченька!» мы постоянно в чем-то упрекаем друг друга.

Вообще-то у нас с Сашкой прекрасные отношения, тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. Родители других подростков могут только позавидовать нашему взаимопониманию, но время пошло такое, что язык не поворачивается с ходу уверенно объявлять очередное утро добрым.

Вот сегодня, например, в новостях рассказали о новых требованиях куар-кодов и показали митинг протеста антипрививочников. Большую, между прочим, толпу с виду вполне нормальных граждан!

Приличные вроде люди, взрослые, образованные. Разумно и логично аргументируют необходимость отказаться от прививок.

— Нет никакого ковида, это всего лишь масонский заговор, — хорошо поставленным голосом лектора говорит в протянутый журналисткой микрофон благообразный мужчина в барашковой шапке. — Назрела необхо-

димось в очередной раз произвести раздел рынков, что в условиях глобализации и распространения Интернета удобнее всего сделать именно таким образом — объявив пандемию...

— Это происки фармацевтических компаний! — поддакивают ему в толпе. — Они наживаются на страхе перед вирусом, зарабатывают миллиарды на липовых лекарствах и вакцинах!

— Вакцины — зло! С прививками нам внедряют микрочипы! — кричит какая-то женщина.

Камера отворачивается от благообразного лектора, ныряет в толпу, ищет и находит нового крикуна.

— Нас всех подсаживают на какую-то дрянь! Сначала одна прививка, вторая, потом ревакцинация, бустерная доза, назальный спрей, что еще?! Да скоро мы сами будем выпрашивать укольчик, как наркоманы! Все деньги отдадим, карманы вывернем за новую дозу! — пророчит худой мужчина с лихорадочно блестящими глазами. — Кредиты в банках станем брать на прививки!

— Тебе еще не надоело? — Вернувшаяся из ванной Сашка, протянув руку поверх

моего плеча, «выстрелила» с пульта в телевизор.

Митингующих смыло с экрана потоком рекламы.

— ...принимаем порошок, чтобы вирус не прошел! — похвалилась Образцовая Мать, обнимая пару Идеальных Деток.

— Какой порошок? Какой вирус? — Сашка закатила глаза и плюхнулась на табуретку. — Достанешь мой йогурт из холодильника? — Она снова щелкнула пультом.

— ...совершенно необходимо прививаться! — приятно упитанный доктор — очень милый и располагающий, типичный добрый Айболит, только в модных дорогих очках, — сокрушенно покачал головой, и его румяные щеки затряслись. — Чрезвычайно высокая летальность...

Щелк! Сашка смела с экрана доброго доктора Айболита, увела с линии огня пульт, свободной рукой приняла от меня баночку с йогуртом и припомнила:

— А ведь этот самый доктор в прошлом году уверял, что ковид ничуть не опаснее простуды и сезонного гриппа, мол, процент умирающих от него мизерный, и достаточно об-

ливаться холодной водой, чтобы не заболеть!
Как ему теперь верить?

— А кому верить, Саш? — Я поставила на стол свой кофе, со вздохом опустилась на табуретку и придвинула к себе расписную жестянку с печеньем.

Дочь, подождав, пока я сниму с нее тугую крышку, сунула руку в коробку и вытащила сразу два печенья.

Она не глядя сунула оба в рот, запила своим кислым низкокалорийным йогуртом и слегка покривилась:

— Из-за тебя я опять нарушаю режим здорового питания!

Я тактично промолчала, снова встала, вынула из микроволновки тарелку с горячими бутербродами и без слов поставила четко на середину стола.

— Не виноватая я, он сам пришел! — отчаянно выкрикнула юная диетичка и сцапала бутер — тот, что побольше.

Я тонко улыбнулась. Нет, я не возражаю против здорового питания, просто не считаю таковым водянистые каши из экзотических семян, пророщенное зерно и псевдойогурт из рисового молока.

По-моему, даже самому правоверному зожнику не повредят бутерброд с сыром на завтрак и тарелочка борща на говяжьем бульоне на обед. Кстати, не забыть бы купить капусту...

— Да никому нельзя верить, — справившись с бутербродом, вернулась к теме моя рассудительная дочь. — Все врут, особенно в телевизоре.

— Конечно, правду только в соцсетях говорят, — не сдержавшись, съязвила я.

— И в соцсетях врут, — не стала спорить Сашка. — Вот Ляля Курбатова, известная всем как Лялипусечка, только на прошлой неделе рассказывала своим подписчикам, как плохо ей было после прививки. Мол, от первого укола у нее голова кружилась и тошнило, как беременную, а после второго вообще едва ноги не отнялись, трое суток бедняжка пластом лежала, не могла даже видео для бложика записать, еле-еле сил хватало сочувственные комменты читать! А вчера мы с ней столкнулись на одной тусе, и там эта Ляля хвасталась, что прививку-то она и не делала, просто купила себе сертификат за двенадцать тысяч рублей... Мам, а тебе деньги не нужны?

— Мне не нужен покупной сертификат о прививке! И ты об этом даже не думай! — Я строго постучала ложечкой по столу.

— Ты еще приговор мне объяви: полгода исправительных работ у мойки с грязной посудой! — хмыкнула непочтительная дочь. — Мам, я не собираюсь покупать сертификат и тебе этого не предлагаю. У меня просто сейчас будут денежки за рекламу, могу с тобой поделиться — ну, там, на продукты...

— На сыр с колбасой. — Я кивнула. — Делись, если можешь. Хороший сыр нынче дорого стоит.

— На карту тебе пришлю! — Сашка пристукнула по столу пустой баночкой из-под йогурта, вскочила и убежала к себе — собираться в школу.

Одиннадцатый класс уже, как время-то летит! Совсем недавно у меня была маленькая девочка со смешными косичками, и вот уже — целый модный блогер со стотысячной аудиторией и собственными денежками за рекламу...

Я растроганно вздохнула, посмотрела на баночку из-под йогурта и нахмурилась. Стекло сосуда сиял почти первозданной чистотой — мыть не надо. Много ли будет толку

от его содержимого? Разве так нужно кормить молодой растущий организм?

Нажарю вечером котлет. И картошки с грибами. «Чтобы вирус не прошел — надо кушать хорошо!» — вот такой девиз должен быть у Образцовой Матери, а не это ваше все — порошочки, пилюльки, прививочки...

— Мам, пока! — Прощально грохнула входная дверь, быстро удаляясь, затопали по лестнице модные «гриндерсы»: Сашка даже не ушла, а убежала.

Я встрепелась: пора и мне на выход!

Откровенно говоря, очень хотелось остаться дома. Посидеть, а лучше даже полежать в тишине и покое, почитать книжку, посмотреть... Нет, телевизор лучше не включать — там перепевают на все лады одну и ту же песню о главном — о вирусе.

Разговоры про пандемию надоели ужасно. У меня было стойкое ощущение, будто я присутствую на затянувшихся слушаниях по делу «Ковид против человечества» — день за днем, с утра до вечера, без перерыва!

Наверное, так казалось не мне одной. Во всяком случае, у моей лучшей подруги и коллеги Машки тоже не получалось надолго отвлекаться от темы коронавируса.

Мы с ней встретились утром перед началом рабочего дня в торговом центре, в подземном гараже которого оставляем свои машины — у здания нашего суда припарковаться, как правило, не удастся. Центр города, свободного места мало.

Машка позвонила, когда я уже закрывала машину.

— Подъехала? Молодец, поднимись на второй этаж, я тут снова в примерочной, нужен твой критический взгляд.

Я подавила вздох: ненавижу шопинг со всеми его атрибутами, включая примерочные!

Вот мою младшую сестрицу хлебом не корми, дай только побродить в лабиринтах вешалок, сгребая в охапку тряпки. Натка от этого времяпрепровождения не только не устает — расцветает, как поникший бутон, окропленный живой водой.

У Машки к шопингу ровное отношение: надо — пойдет, не надо — и не вспомнит. Но сейчас ей как раз надо: у них с супругом скоро юбилей семейной жизни, двадцать лет — это серьезный срок, иным за убийство меньше дают.

К большому празднику подруге нужен достойный наряд, и выбирает она его на ред-

кость придирчиво — мы с моим критическим взглядом уже устали ходить к ней в примерочные.

Но, разумеется, я не стала это говорить.

Спросила коротко и кротко:

— Где ты?

— На втором этаже.

— Через минуту подойду.

Срок своего прибытия я обозначила по старой памяти — в благословенные доковидные времена минуты мне как раз хватило бы, чай, не черепаха.

Теперь же пришлось постоять в небольшой очереди к вращающимся дверям, а за ними еще подождать, пока один из охранников, поставленных сканировать QR-коды, проверит мой медотвод.

Второй страж в то же время выпроваживал очень недовольную таким холодным приемом девицу — только что путем сканирования кода выяснилось, что она и не человек вовсе, а «цыпленок бройлер свежий, тушка, первая категория».

— Иди, иди уже, курица! — вполголоса напутствовал ее в спину сердитый охранник и пожаловался коллеге: — Надоели эти умники с кодами из супермаркета.

Я поднялась на второй этаж, зашла в нужный магазин и обнаружила подругу в примерочной. Не дождавшись меня, она вышла из своей кабинки и крутилась перед большим зеркалом, закрепленным в простенке. На ней было что-то бледно-розовое — Сашка сказала бы «пудровое», — скрывающее фигуру под легкими складками от шеи до пят.

— Это комбинезон. Шелковый. Очень модный, — мрачно пояснила Машка, поймав мой взгляд в зеркале. Судя по голосу и выражению лица, от очень модного комбинезона она явно была не в восторге. — Как тебе?

Я пошевелила бровями, потеряла подбородок.

— Можешь не деликатничать, — разрешила Машка. — Ну? Ваш вердикт, судья Кузнецова?

— Выглядишь сказочно. — Я начала изда-лека. Хотя подруга и разрешила мне говорить прямо, к суровой правде следовало подобраться осторожно. — Похожа на Пряничного человечка...

— По-моему, на манекен Алены Малышкиной, — не согласилась подруга. — Знаешь, у нее в программе есть такие — мягкие, глад-

кие, розовые, отдаленно напоминающие человека.

Я машинально кивнула.

Кто же не знает Алену Малышкину — доктора всех телевизоров!

— Только вчера она на таком манекене показывала, как прививка всасывается в организм и начинает там гонять антитела и создавать надежную защиту против вирусов. Очень зрелищно, — брюзгливо продолжила Машка и, ловко сложив пальцы правой руки пистолетиком, решительно расстреляла с локтя, с бедра и с колена свое собственное отражение. Вернее, конечно, воображаемые вирусы.

— Это же прекрасно? — сказала я неуверенно. — Ты будешь ассоциироваться со здоровьем, точнее, с борьбой за него. А в наше суровое время это...

— Ой, молчи уже! — Машка отвернулась от зеркала и пошла в кабинку, на ходу со свистом расстегивая молнию оздоровительного комбинезона.

— Ты побыстрее там! — взбодрившись, покричала я ей вслед. — Опоздаем — Плевакин будет гонять нас, как хваленая прививка — те самые вирусы!

Машка фыркнула, с треском задернула за собой занавеску, которая тут же вспучилась горбом и пошла волнами, выдавая энергичные движения переодевающейся подруги.

Я машинально повернулась к зеркалу и осмотрела себя. Ну, ничего так. На Пряничного человечка не очень похожа. На Алену Малышкину, впрочем, тоже, а жаль. Главная телевизионная докторша — прекрасный образец для подражания. Каждая российская дама в возрасте за сорок смело может принимать ее за идеал.

Уж не знаю, на самом ли деле она профессиональный медик, но как женщина доктор Малышкина очень приятная, милая, красивая. Никогда не появляется на экране в одном и том же платье, всегда очень убедительно разыгрывает свои постановки и кукольные представления на тему здоровья...

Купить, что ли, себе какую-нибудь обновочку?

Я покосилась на длинную вешалку с разномастными тряпочками, забракованными потенциальными покупательницами сразу после примерки.

Вот эта плиссированная юбочка очень милая. Просто мечта принцессы. К ней бы еще корону...

В смысле, не вирус, конечно, а царственное украшение на голову!

Тыфу ты, что я все о вирусе да о вирусе?!

— Идем! — Машка вылезла из кабинки, как весенний медведь из берлоги — деловитая и хмурая. — Завтра в соседний магазин зайду, посмотрю там что-нибудь подходящее. Время у меня есть.

— Там разве не молодежная мода? — Я поспешила за подругой и едва не влипла в ее спину, когда она вдруг резко остановилась.

— Ну? А я что, по-твоему, старая перечница?

— Нет-нет, ты еще молода и прекрасна, но там размерный ряд заканчивается XL, а это бывший российский сорок восьмой, причем маломерный! Китайцы же шьют...

Говорю же, у меня доверительные отношения с юной дочерью — блогером, специализирующимся на моде и красоте. Она мне много чего рассказывает...

— Я же сказала: время у меня еще есть. — Машка отмерла и сразу стартовала с ускорением. — Куплю наряд на размер или два меньше — как раз будет стимул похудеть к торжеству.

— Логично. — Я сдалась.

В конце концов, это не мне придется сидеть на диете, чтобы новый наряд в самый ответственный момент праздника не разъехался по швам.

Тем более участников торжества — всех, кроме Машки, конечно, — такой казус только развеселил бы. Зная мужа и деток подруги, можно не сомневаться, что они обхохочутся. А в наше суровое время возможность подарить близким людям немного радости и веселья дорогого стоит...

Ох, опять я сползла на тему пандемии! Наверное, это уже что-то нервное. Может, даже психическое.

Вот, например, витрина магазина женского белья. Нормальная дама на что засмотрелась бы? На эффектные кружевные тряпочки, в которых красуются безупречно стройные манекены. Безголовые, что логично: зачем им мозги с такими-то формами...

Но я замечаю не длинные ноги и крепкие бюсты манекенов, а также не сказочной красоты и стоимости бельишко на них.

Я почему-то обращаю внимание на изменение в ассортименте торгового заведения, который пополнился высокохудожественны-

ми защитными масками — со стразами, с вышивкой, с принтами в виде милых улыбок или хищных вампирских оскалов...

— Дожили! — проворчала Машка и дернула меня за руку, утаскивая прочь от витрины с великолепными трусами, бюстгальтерами и масками — три в одном. — Раньше приличной бабе только две интимные зоны прикрывать надо было, а теперь уже три! А это же разориться можно, если комплектами покупать! Хотя можно не в наборе брать, а по отдельности. Главное, чтобы на красивую маску денег хватило, наличие трусов, слава богу, пока никто не проверяет... Шагай быстрее, что ты плетешься нога за ногу!

А я опять засмотрелась, и снова с мыслями о «короне».

Вот, поглядите-ка, свисают с высокого потолка в торговом центре объемные снежинки. Красивые же? Даже очень. Но почему-то весьма напоминающие мне серебристые модельки коронавируса — шарики с лапками-растопырками!

Хотя в телевизионной рекламе коронавирус всегда рисуют цветным. Чаще всего ядовито-синим, но иногда еще ядрено-красным или кислотно-зеленым...

— ... вирус! — Машка, оказывается, на бегу о чем-то рассказывала.

Я уловила только последнее слово и обеспокоенно переспросила:

— Что — вирус?

— Вырос, а не вирус! Ты что? — Подруга коротко покрутила пальцем у виска, чем только усилила наши общие сомнения в моей собственной нормальности.

Вот интересно, британские ученые, которые вечно впереди планеты всей, уже открыли такое психическое заболевание — ковидофобия?

— Я говорю, сын неожиданно вырос из школьной формы, и это уже зимой! А я в августе ему сразу два комплекта взяла, думала, на весь год хватит. На рубашках еще можно рукава переделать из длинных в короткие, тогда они кое-как на весну сгодятся, на жилетках я пуговицы расставлю. Но вот со штанами беда непоправимая, они и тесны, и короткие... А Сенька у вас какой размер сейчас носит?

— Хочешь отдать ему школьные брюки сына? — поняла я. — Мы примем с благодарностью, но только навырост. Сенька, к сожалению, все еще самый мелкий и щуплый в своем втором классе.

— А потому что кормить мальчика надо как следует! — Машка, образцовая хозяйка, моментально оседлала своего любимого конька. — Растущий мужской организм нуждается в усиленном питании! Вот мой младший на завтрак что съел сегодня? Вареное яичко, творожный сыр, две мамины котлетки, да с чесночком, с лучком — их, кстати, и вирус боится...

Машка оживленно затарахтела, обосновывая пользу своих фирменных котлеток для растущего организма, а я мысленно сказала себе: фух, расслабься, Лена! Коронавирус — не твоя личная фобия. Похоже, это нынче наше общее психическое заболевание, раз все только о нем и говорят.

За интересной беседой на актуальную тему мы с подругой не заметили, как долетели до здания родного Таганского суда.

Вопреки опасениям, успели вовремя: наш председатель Анатолий Эммануилович Плевакин еще не стоял на входе с секундомером, контролируя время прибытия сотрудников на линию трудового фронта, как он любит делать.

— Пообедаем вместе? — устремляясь к лестнице на второй этаж, на бегу спросила меня Машка.

Я кивнула, чего подруга уже не увидела, но задерживаться и переспрашивать не стала, уверенная в моем согласии.

Я свернула в коридор, ведущий к моему кабинету, и ровно в девять ноль-ноль была на рабочем месте. Точнее, на самых близких подступах к нему.

Помощник Дима задержал меня на своем рубеже в закутке-предбаннике, чтобы вручить несколько папок. Картонных, с тряпичными завязочками — явно от Плевакина.

Он, мне кажется, унаследовал за развалившимся СССР богатый склад канцтоваров — никак у него эти старорежимные папочки не заканчиваются.

— Привет, привет. Есть что-то особенное? — Я опасливо приняла новые дела.

У нашего дорогого Анатолия Эммануиловича есть неприятная манера периодически одаривать меня сюрпризными папочками с резонансными делами на тему красоты, здоровья и моды. Уж сколько раз я наступала на эти гламурные грабли...

— Сверху кое-что новенькое, интересное, — прокомментировал Дима, кивнув на папки. — Посмотрите, такого еще не было.